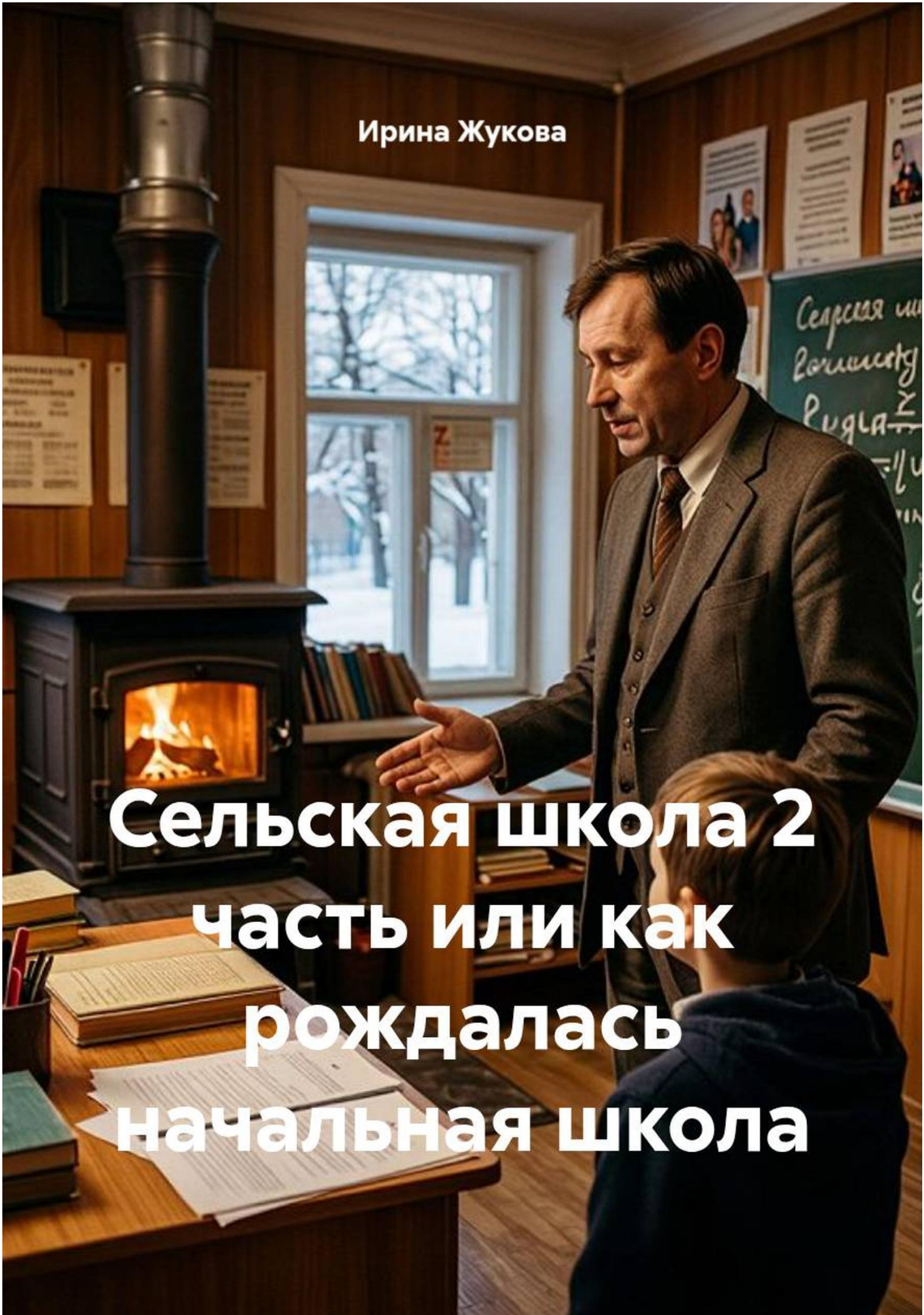

Ирина Жукова

Сельская школа 2 часть или как рождалась начальная школа

Ирина Жукова

Сельская школа 2 часть или как рождалась начальная школа

«Автор»
2026

Жукова И. М.

Сельская школа 2 часть или как рождалась начальная школа /
И. М. Жукова — «Автор», 2026

Продолжение романа «Сельская школа» — но не в сюжете, а в ремесле. Берёзовка ожила: школа открылась, печь топится, «Мы будем учиться» стало привычкой. Теперь пришло время рассказать, как всё это устроено изнутри: как учили на Руси и как учат сегодня, как рождается учительское сердце, как объяснить площадь через грядки и услышать того, кто боится поднять руку. Одна книга — про то, как это проживают люди. Вторая — про то, как это делать. Две книги сложены рядышком, как печь и рама: одна про сердце, другая про то, что сердце держит.

© Жукова И. М., 2026
© Автор, 2026

Ирина Жукова
Сельская школа 2 часть или как рождалась начальная школа

Две книги - одна дорога
Одна книга - про сердце, другая - про дело.

Одна - как лучина, а другая - печь.

Ро́ман нам поведал то, что болело,

А э́та - расска́жет, как э́то бере́чь.
Вспо́мни ве́чер, когда́ Артём обеща́л селя́нам

То́лько одно́: не почини́ть - учи́ться.

Во́т и здесь: не обеща́ния, а ру́ки,

Что веду́т от «не зна́ю» к «полу́чится».
Здесь перими́етр - забо́р, а пло́щадь - гря́дки,

Здесь разновозра́стный класс - не беда́, а клад.

И са́мый ти́хий, не спеша́, укра́дкой

Поднима́ет ру́ку: «Я поня́л!» - и не солга́л.
Пе́рвый звоно́к - не то́лько пе́рвого сентября́.

Он звени́т и в глу́хо́й, моро́зный рассве́т.

Он позва́л Артёма - он ждёт но́вых учителе́й:

Пока́ в Росси́и есть хоть одна́ шко́ла, конца́ ему́ нет.
Две кни́ги сло́жены ря́дом,

Как печь и ра́ма, как се́рдце и рука́.

А тре́тьей кни́гой ста́нешь ты, чита́тель, -

Когда́ вста́нешь у до́ски. И шко́ла - жива́.

Пролог. Первый звонок

О том, как рождается учительское сердце: от детского «хочу учить» до первого «здравствуйте, дети».

Первый звонок бывает не только первого сентября. Он звучит гораздо раньше - в тот день, когда девочка с важным видом рассаживает кукол в ряд и строгим, но заботливым голосом говорит: «А теперь открываем тетради!» В тот вечер, когда она объясняет младшему брату, как правильно держать ручку, и сама верит, что если показать ещё раз, то точно всё получится.

В ту минуту, когда хочется не просто рассказать, а донести - чтобы поняли, чтобы запомнили, чтобы стало чуть светлее от того, что теперь знают.

Это ещё не профессия. Это - зов. Тихий, но упрямый. Он живёт где-то внутри, прячется за детскими играми и потом вдруг вырастает в твёрдое «я хочу быть учителем». И чем ближе к этому решению, тем сильнее слышится тот самый первый звонок - не школьный, а внутренний: он зовёт туда, где нужны терпение и доброта, где каждое «я не понимаю» - это не повод сдаться, а приглашение подойти ближе.

Путь к учительскому сердцу длинный. Сначала - восторг от самой мысли: «Я буду учить!» Потом - учёба, где теория сталкивается с реальностью, и вдруг оказывается, что знать предмет - это одно, а объяснить его так, чтобы загорелся интерес у ребёнка, - совсем другое. Потом - практика, когда впервые стоишь у доски не как студентка, а как тот, на кого смотрят двадцать пар глаз, и в них столько ожидания, что от волнения дрожат руки. И наконец - тот самый день, когда ты переступаешь порог класса уже как хозяйка этого маленького мира, делаешь глубокий вдох и тихо, но твёрдо произносишь: «Здравствуйте, дети».

В этом «здравствуйте» - всё сразу: приветствие, обещание, защита. В нём - и «я здесь, я с вами», и «мы справимся», и «я постараюсь вас понять». И в эту секунду первый звонок, который столько лет звенел внутри, наконец сливается с настоящим школьным звонком, и становится ясно: учительское сердце не рождается в один миг. Оно собирается по крупицам - из детских игр, из прочитанных книг, из советов мудрых наставников, из ошибок и их исправлений, из радости от маленького успеха ученика, из терпения в трудные дни.

И когда слышишь, как кто-то из ребят повторяет правило, которое никак не давалось, или видит, как у тихого ребёнка загораются глаза, потому что наконец-то получилось, - понимаешь: вот оно. То самое «хочу учить» превратилось в «я учу». И каждый новый день снова начинается с этого внутреннего звонка - чтобы снова подойти, объяснить, поддержать, поверить. Потому что быть учителем начальных классов - значит не просто давать знания. Значит быть тем, кто помогает ребёнку поверить в себя.

Часть 1. Корни: как рождались школы в России

Глава 1. От грамоты у печки к первым классам

Как учили на Руси: домашнее обучение, мастера грамоты, приходские школы.

Если прислушаться к прошлому, то и там можно услышать первый звонок. Только звенел он иначе - не колокольчиком на крыльце, а деревянной дощечкой, по которой скользила острая берестяная палочка. Так, ещё в те далёкие времена, когда не было ни парт, ни классных журналов, дети впервые выводили буквы. И учительское сердце билось уже тогда - в груди мастеров грамоты, в сердцах матерей и отцов, которые сами, при свете лучины, показывали ребёнку азбуку.

Учить на Руси начинали дома. Это было естественно, как учить ходить и говорить. Отец - ремесло и счёт, мать - молитву и сказку, старшие братья и сёстры - то немногое из книжной премудрости, что знали сами. Книга была великой редкостью, её писали от руки, берегли как сокровище, и потому грамота оставалась достоянием немногих. Но зерно было посеяно: ребёнок, у которого в доме читали вслух, слышал живое слово раньше, чем видел его написанным. Уже тогда понимали - прежде чем учить читать, нужно, чтобы слово отозвалось в душе.

Потом приходили мастера грамоты. Странствующие дьячки и посадские люди, за небольшую плату бравшиеся учить детей чтению, письму и счёту, собирали их в своих домах или в доме родителей. Ученик приносил свою скамейку - на ней и сидел. Так будущая школьная скамья вошла в нашу жизнь: сначала как вещь, потом как выражение. Учили по Псалтири и Часослову: сначала буквы, потом склады, потом чтение «наизусть и в лицо». Мастер грамоты был строг и кроток одновременно - розга подчас была рядом, но рядом были и терпение, и настойчивость, и та особая гордость мастера, когда ученик впервые читал строку сам, без под-

сказки. В этом мгновении - зародыш всей нашей педагогики: ничто не радует учителя так, как самостоятельный шаг ученика.

Настоящие же школы пришли на Русь с верой и государством. При церквях открывались приходские школы - для детей духовенства, а со временем и для детей посадских людей и крестьян. Позднее, при Петре I, появились цифирные школы, а веком позже - приходские училища и уездные училища по уставу 1804 года, и постепенно начальное обучение стало не частной удачей отдельных семей, а делом общим. К концу XIX века деревенская земская школа с тремя отделениями, с одной учительницей на всех и с обязательными уроками закона Божия, арифметики и чистописания стала знакомой картиной российской глубинки. И когда крестьянская мать отправляла сына «в науку», она передавала ему не котомку с хлебом - она передавала надежду: грамота, дескать, второе зрение.

Что удивительно: менялись века, менялись уставы и прописи, а суть первых уроков оставалась той же. Тогда, у печки, и теперь, в светлом классе с интерактивной доской, учитель делает одно и то же - ведёт ребёнка от незнания к знанию по ступенькам, которые тот может одолеть. Сначала буква, потом слог, потом слово, потом предложение - и вот уже вчерашний малыш читает сам и не может остановиться. Мастера грамоты не знали слова «дидактика», но жили по её законам: от простого к сложному, от близкого к далёкому, от живого примера - к правилу.

И потому, входя сегодня в первый класс, учительница входит в очень древний дом. В этом доме тысячи лет шуршали берестой, скрипели гусиные перья, пахло чернилами и свежей соломой на полу деревенской школы. Сменились доски и тетради, появились прописи и прописи в прописях, но главный инструмент остался прежним - терпеливое, доброе учительское сердце. То самое, о котором шла речь вначале: оно родилось задолго до нас и переходит от учителя к учителю, как эстафета.

А первый звонок? Он звенел и над приходской школой, и над земским училищем. Просто тогда его заменял колокол сельской церкви - и дети, заслышав его, бежали на урок так же, как бегут сегодня.

Глава 2. Школа становится делом государственным

Реформы, уставы, первые народные училища: как государство брало образование под крыло.

В конце первой главы мы оставили деревенскую школу у церковного колокола. Но у всякого колокола есть звонарь, а у всякой школы - тот, кто о ней подумал заранее: кто решил, что учить детей нужно не случайно и не по случаю, а по уставу, с планом и на казённый счёт. Эта глава - о том, как Русь, а потом Россия перестала доверять грамоту случаю и взяла школу в собственные руки.

Всё изменилось стремительно - как меняет всё Пётр I. Молодой царь, вернувшийся из-за моря с ненасытной жаждой учиться и учить других, увидел простую вещь: без грамотных людей нет ни флота, ни пушек, ни карт, ни приказов, которые пишутся без ошибок. И государство впервые заговорило о школе не как о частном деле семьи или прихода, а как о деле общегосударственном.

В 1701 году открылась Школа математических и навигацких наук - та самая, что потом переехала в Сухареву башню. Учеников туда собирали принудительно, как рекрутов: дворянских недорослей, подьячих, детей приказных. Потом пошли артиллерийские, инженерные, хирургические школы, горные училища при уральских заводах. А в 1714 году вышло распоряжение, прозвучавшее почти как обещание каждой деревне: в губерниях завести цифирные школы, где учить арифметике и геометрии всех дворянских детей, детей приказных и духовенства. Кто не учится - не смеет жениться: дворянскому недорослю без свидетельства из школы не давали венчаться. Царь хотел, чтобы грамота стала для дворянства таким же обязательным делом, как служба.

Цифирные школы, надо признать, жили трудно. Учителей не хватало, ученики разбегались, деньги не доходили. К концу Петрова царствования большинство их угасло. И всё же главное было сделано: в сознании государства школа перестала быть экзотикой. Возникла сама мысль - а что, если учить не только дворян? Не только для флота? А всех?

Эта мысль дозревала почти столетие.

Екатерина II встретилась с идеей просвещения лицом к лицу: эпоха читала Руссо, верила, что «человек рождается добрым, а портится от невежества», и мечтала воспитать новое поколение. По всей России шли рассуждения о пользе учения, издавались книги, а в 1764 году по проекту Ивана Бецкого был основан Воспитательный дом в Москве - приют для подкидышей, где детей задумали воспитывать как будущих «новых людей». Чуть позже, в 1764 году, появилось и Смольное училище благородных девиц - первое учебное заведение для девушек, где пансионерки жили годами, учились языкам, музыке, танцам и «добронравию».

Но дальновиднее всего оказался реформатор не придворный, а практический. В 1782 году императрица учредила Комиссию об учреждении народных училищ - и поручила её работу австрийскому педагогу Фёдору Ивановичу Янковичу де Мириево, которого специально пригласили для этой цели. Янкович был человеком дела: он не писал трактатов о всеобщем счастье, а строил школу. По «Уставу народным училищам», изданному в 1786 году, в каждом губернском городе появлялось главное народное училище с четырьмя классами, а в уездных городах - малое, с двумя классами. В них учили читать, писать, арифметике, Закону Божию, а в главных училищах - ещё географии, истории, механике, архитектуре.

Учителей готовили особо: при главных народных училищах открыли учительскую семинарию - первое в России государственное учреждение для подготовки учителей. В неё набирали семинаристов духовных семинарий, людей честных и терпеливых, потому что предполагалось - учителя сами нуждаются в доброте и терпении, раз их ждут дети. Так впервые учитель в России стал профессией, на которую учат специально, а не тем, «кто грамоте разумеет».

Народные училища не были всенародными - крестьянских детей туда поначалу не пускали. Но они сделали три вещи, изменившие всё: создали сеть школ, утвердили единый устав, то есть правила, по которым школа живёт независимо от личности директора, и впервые объявили учителя служителем государства, а не случайным мастером грамоты. Первый звонок зазвенел уже не над церковной папертью - он зазвенел в отдельно выстроенных школьных зданиях, по расписанию, по звону колокольчика в руке надзирателя.

Поколение спустя, при Александре I, реформаторская волна поднялась снова - и на этот раз превратилась в стройную систему. Устав учебных заведений 1804 года - одна из самых красивых страниц российской школьной истории, хотя сегодня о нём помнят только историки педагогики. По этому уставу выстроена целая лестница: внизу - приходские училища, где за один год ребёнок учился читать, писать, считать и молиться; выше - уездные училища с двумя годами; ещё выше - гимназии с четырьмя годами, а на вершине - университеты, которые, по мысли реформаторов, должны готовить и учителей для тех самых гимназий.

Замысел был ошеломляющий: ни одна ступень не отрезана от соседней. Крестьянский сын, окончивший приходское училище, мог, если хватало даров и воли, дойти до гимназии и дальше. Учебный план каждой нижней ступени был продолжением верхней, а не отдельным островом. Так впервые в российском образовании прозвучало слово «система» - слово, которое с тех пор не выходило из школьной жизни.

Именно по уставу 1804 года окончательно утвердилось понятие начальной школы - как первой, обязательной для всех желающих ступени. Приходское училище было рассчитано на самый ранний возраст, и учитель его стал первым учителем - тем самым, кого встречает ребёнок в самом начале пути. Должность, которую мы сегодня зовём «учитель начальных классов», родилась именно тогда, пусть и называлась иначе.

Правда, жизнь тут же начала спорить с замыслом. Приходских училищ открывалось мало, гимназии были доступны дворянству, а идея свободной лестницы от деревни до университета пугала консерваторов. Уже в 1828 году, при Николае I, устав был переписан: теперь каждый сословный уровень имел свою школу, и выход «выше» стал затруднён. Первая российская попытка построить школу как единую систему была свернута, но зерно её осталось: государство признало, что начальная ступень - самостоятельное и важное дело, а не подготовительный этаж для избранных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.